

ГЛАВА 2

ЧЕМ ГРОМЧЕ ГРЕМИТ, ТЕМ СИЛЬНЕЕ БОЛИТ

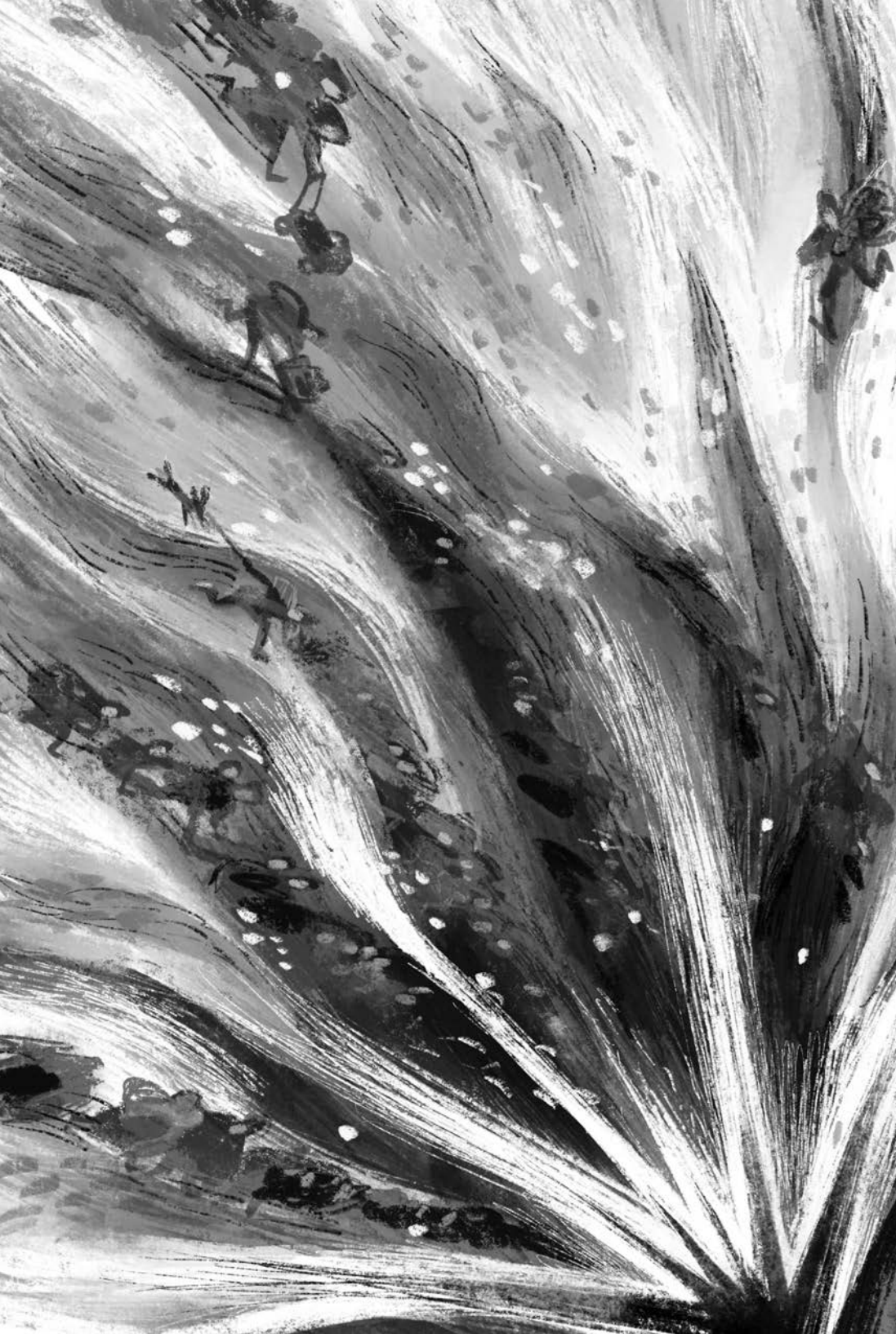
Я не люблю петарды. Все мы, собаки, их не любим. И кошки тоже. И лошади. Люди слегка глуховаты, поэтому им кажется, что взрывать петарды и запускать фейерверки — весёлое занятие. Им нравится этот ужасный шум, от которого у нас раскалывается голова, всё болит и потом ещё долго свистит в ушах.

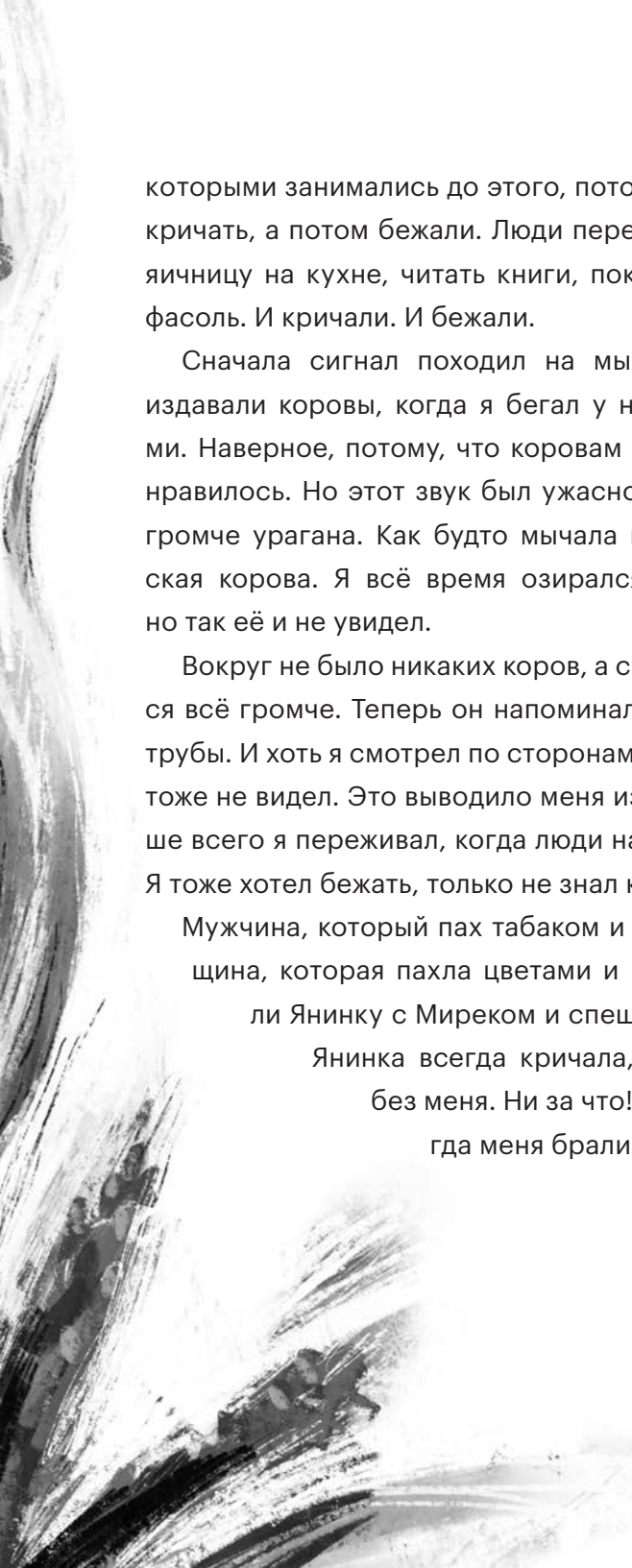
Мне петарды совсем не нравятся. Я их ненавижу. Они напоминают мне о бомбёжках. Напоминают обо всём том, что произошло.

* * *

Перед бомбёжкой всегда раздавался сигнал тревоги. Он предупреждал, что вот-вот упадут бомбы. Как только звучал сигнал, люди начинали бежать и кричать.

Точнее, всё происходило не сразу. Сперва был сигнал тревоги, потом люди бросали все дела,

которыми занимались до этого, потом они начинали кричать, а потом бежали. Люди переставали жарить яичницу на кухне, читать книги, покупать на рынке фасоль. И кричали. И бежали.

Сначала сигнал походил на мычание, которое издавали коровы, когда я бегал у них между ногами. Наверное, потому, что коровам это не очень-то нравилось. Но этот звук был ужасно громкий, даже громче урагана. Как будто мычала какая-то гигантская корова. Я всё время озирался по сторонам, но так её и не увидел.

Вокруг не было никаких коров, а сигнал становился всё громче. Теперь он напоминал звук огромной трубы. И хоть я смотрел по сторонам, никакой трубы тоже не видел. Это выводило меня из себя. Но больше всего я переживал, когда люди начинали бежать. Я тоже хотел бежать, только не знал куда.

Мужчина, который пах табаком и краской, и женщина, которая пахла цветами и пирогом, хватали Янинку с Миреком и спешили в убежище.

Яинка всегда кричала, что не пойдёт без меня. Ни за что! Ни за что! И тогда меня брали с собой.

Не знаю, почему это называли убежищем. Обычно в убежище ты чувствуешь себя в безопасности, а я умирал от страха. Мы спускались по лестнице и попадали в тёмный сырой туннель, на стенах которого висели улитки. Люди рассаживались прямо на земле, прислоняясь спиной к этим противным стенам. Не произносили ни звука. Дети плакали. Не думаю, что кто-то из них чувствовал себя в безопасности в том жутком месте.

Нам, собакам, полагалось быть на поводке и в наморднике. Намордник — это такая ужасная штука, в которой невозможно ни кусаться, ни гавкать, ни зевать, ни даже высовывать язык. Не понимаю, что плохого в том, чтобы собаки высовывали язык?

В сыром туннеле мы сидели до тех пор, пока бомбы не переставали падать.

Однажды ночью гигантская корова опять замычала. Но бомбёжка началась сразу же, и мы не успели выбежать. Бомбы падали где-то совсем рядом. В окне виднелись пожары и взрывы. Небо окрасилось в странный цвет. Я не знаю, как он называется. Кажется, это был цвет крови. Я видел такой цвет однажды, когда у Янинки шла кровь из носа. Хотя, может, небо было зелёным. Кто его знает... Мы, собаки, не очень хорошо различаем цвета.

Дом дрожал. От потолка отвалились куски и упали мне прямо на голову! Я так испугался, что спрятался

у Янинки под кроватью. Вот это, скажу я вам, настоящее убежище. Я прятался там каждый раз, когда мне было страшно. Там, под её кроватью, со мной не могло произойти ничего плохого. Раньше, услышав сигнал тревоги, я тоже прятался там, но каждый раз меня находили, доставали и уводили в туннель с улитками на стенах.

Взрывы приближались. Я слышал, как кричали Янинка и Мирек. Потом в меня как будто ударила молния. И больше я ничего не помню.

Мне показалось, что дом рухнул, но кровать Янинки защитила меня.

Когда я наконец открыл глаза, вокруг было темно и пыльно. То ли у кровати отвалились ножки, то ли на неё упало что-то тяжёлое — меня чуть не расплющило. Кое-как я выполз оттуда. Повсюду валялись гнутые железяки, битое стекло, кирпичи. У меня было порезано ухо и очень сильно болела лапа. Я полизал её. На вкус она оказалась как кровь, смешанная с пылью.

Я поспешил на улицу. И увидел, что нашего дома больше нет. От него остались только входная дверь, одна стена, куча мусора и упавшая крыша.

Тогда я побежал. Я бежал так быстро, как только мог, хромая на одну лапу. Начался дождь. У меня почему-то жгло в глазах, и я почти ничего не видел. Я бежал с полузакрытыми глазами, нюхал влажную

землю, отыскивая дорогу в горы. Нос у меня тоже болел, поэтому запахи я различал плохо. К счастью, нужно было учуять лишь самое главное: по бокам дороги — острый запах травы, в центре — смесь из запахов глины, человеческих башмаков, лошадиных копыт, дождевых червей, ящериц и лягушек.

А ещё вокруг сильно пахло дымом. Лишь когда я поднялся высоко-высоко, запах дыма отстал от меня и я смог перевести дух. Земля подо мной казалась одним большим костром, а облака надо мной — мешками с пеплом.

